

А

Источник: Л. Чарская. Полное собрание сочинений. Издательство сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского, М.: 2006.

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера, 2007

Лидия Чарская

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

(Юность Лиды Воронской)

Литературная обработка: Владимир Зоберн

Часть первая

Сегодня выпуск. С вечера никто не ложился, и майский день застает нас на ногах. В раскрытые окна дортуара врывается птичий гомон и солнце.

Высокая, полная, с черной кудрявой головой, Зина Бухарина, прозванная Креолкой, сооружает перед трюмо сложную прическу. Чахоточная, хрупкая Миля Рант, Стрекоза, помогает ей в этом. Красавица Черкешенка, Елена Гордская, моя любимица, расчесывает у окна черные косы и мурлычет какой-то романс. Толстушка Додошка Даурская, хохотушка и лакомка, с набитым леденцами ртом вертится подле моей постели, на которой разложено легкое белое платье.

Между нами, выпускными, было давно уже решено не делать нарядных платьев ко дню акта, с тем чтобы предназначенные на это деньги пожертвовать на поездку и лечение нашей больной классной дамы фрейлейн Фюрст; но наши баловники, родные, не пожелали лишиться нас удовольствия, и более богатые дали возможность менее состоятельным семьям одеть их детей в традиционный актовый наряд.

Больная же классная дама получила возможность лечиться на юге.

Мой костюм удался на славу. Разложенное на постели белое платье оказалось чудом красоты. Вокруг него теснились подруги и, громко ахая, восхищались вкусом моей мачехи, "мамы Нэлли".

Ольга Елецкая, по прозвищу Лотос, высокая черноволосая девушка, большая фантазерка, восхищалась больше других.

Впрочем, на этот раз даже такие серьезные особы, как "профессорша", Женя Бутусина, Вера Дебицкая, первые ученицы, и степенная Старжевская, наравне с шумными маленькими сестричками Пантаровыми - Лизой и Женей и веселой хохлушкой из Киева Марой Масальской, "невестой" (она действительно была невестой одного киевского помещика), окружали мою постель.

Хохлушка Мара суежилась больше всех.

- Лида! Вороненок, Лидочка! Шляпу покажи нам теперь, шляпу! - молила она.

Моя выпускная шляпа - мой секрет.

Вчера, когда мама-Нэлли привезла мне ее и показала на утреннем приеме, я даже вскрикнула от восторга. Совсем скромная шляпа, а между тем, говорят, "папа-Солнышко" (так я с самого раннего детства называю моего отца) рассердился, когда ее увидел:

- Для молоденькой девочки - этот мрак! Зачем это?

Шляпу хотели переменить, но я вцепилась в нее, как говорится, руками и ногами.

- Ах, нет, нет! Оставьте ее, пожалуйста. В ней столько красивого замысла, столько значения! - молила я.

И шляпу оставили, к восторгу моих одноклассниц.

- Скорее! Скорее! Хохлушка, открывай, открывай! - слышатся нетерпеливые возгласы.

- Дети мои, не делайте из почтенного дортуара толкучего рынка, с позволения сказать, - роняет Сима Эльская, покрывая своим звучным контральто все остальные голоса.

- "Кочерга" на горизонте! - появляясь на пороге, выкрикивает Катя Макарова.

- Спасайся кто может! - вопит Додошка и лезет под кровать.

- Здорово нам влетит, что до звонка встали, - слышится чей-то шепот.

- Дурочки, ведь сегодня выпуск! - кричу я. - А через пять-шесть часов мы вольные птицы, и никакие "кочерги" в мире не смогут принести нам вреда.

- Они рехнулись, - пожимает плечами Сима, - одержимые какие-то, право! Будут перед классными дамами трусить до гробовой доски.

- Действительно, никто не посмеет нам сделать замечания сегодня, - улыбается Зина.

- Ну, душка, тебя с такой головою под кран пошлют кудри размачивать - произносит младшая